

© КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ, 2004

УДК 616-091:378.661]:93:92 ПОЛУНИН

А. М. Сточик^{1, 2}, М. А. Пальцев¹, С. Н. Затравкин^{1, 2}

А. И. ПОЛУНИН И СОЗДАНИЕ КАФЕДРЫ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМИИ И ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ ФИЗИОЛОГИИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

¹Московская медицинская академия им. И. М. Сеченова, 119881, Москва; ²НПО "Медицинская энциклопедия" РАМН, 101990, Москва

Имя первого профессора кафедры патологической анатомии и патологической физиологии Московского университета Алексея Ивановича Полунина не относится к числу малоизвестных или забытых. Известны десятки публикаций, подробно описывающих жизненный и профессиональный путь А. И. Полунина, его деятельность по созданию кафедры, становлению учебного процесса, организации научных исследований и т. п. [3, 4, 6, 8]. Вместе с тем проведенное нами исследование истории становления патологической анатомии в Московском университете позволило выявить по меньшей мере два существенных факта из биографии А. И. Полунина, не получивших в отечественной историко-медицинской литературе должного отражения. Первый относится к избранию А. И. Полунина на должность профессора кафедры патологической анатомии и патологической физиологии, второй — его основного вклада в становление этой кафедры и развитие патологической анатомии в Московском университете.

Напомним, что кафедра патологической анатомии и патологической физиологии была учреждена в 1845 г. "Дополнительным постановлением о медицинском факультете Императорского Московского университета" [9]. Первым профессором был назначен адъюнкт факультетской терапевтической клиники Московского университета доктор медицины Ю. Дитрих. Предполагалось, что Ю. Дитрих начнет преподавание на вновь созданной кафедре со второго полугодия 1847/48 учебного года после возвращения из заграничной командировки, принятой с целью усовершенствования в области патологической анатомии. В расписании лекций медицинского факультета на этот год записано: "Доктор Дитрих будет преподавать студентам 2-го курса во 2-м полугодии Общую Патологию по 2 часа в неделю; студентов же 5-го курса в обоих полугодиях будет занимать вскрытиями умерших больных в госпитальной клинике, вместе излагая систематически учение о патологических продуктах в

трупах (или патологическую анатомию) по 6 часов в неделю" [5].

Однако в связи с неожиданной смертью Ю. Дитриха в конце 1847 г. кафедра патологической анатомии и патологической физиологии оказалась вакантной, и в январе 1848 г. на медицинском факультете был объявлен конкурс, в котором приняли участие сразу 4 кандидата. Профессор госпитальной терапевтической клиники И. В. Варвинский выдвинул кандидатуру адъюнкта своей клиники А. И. Полунина, проф. Л. С. Севрук — ассистента факультетской терапевтической клиники, много помогавшего ему в работе в прозекторских городских больниц, — К. Я. Млодзиовского, проф. факультетской терапевтической клиники А. И. Овер — адъюнкта своей клиники Н. С. Топорова, профессора М. В. Рихтера и А. И. Поль — доктора Самсона фон Гиммельштерна.

По мнению профессоров М. В. Рихтера, А. И. Поля, Г. И. Сокольского и даже И. В. Варвинского, наиболее подготовленным в области патологической анатомии был воспитанник А. И. Овера доктор Самсон фон Гиммельштерн. Он посвятил более 10 лет изучению этой научной дисциплины, сначала под руководством Н. И. Пирогова в Дерптском университете, К. Рокитанского и Й. Шкоды в Венском университете и с 1839 г. в Москве под руководством А. И. Овера. По свидетельству М. В. Рихтера, "все время свое доктор Самсон посвятил изучению болезненных явлений и вскрытию трупов" в трех московских больницах — Старо-Екатерининской, Ново-Екатерининской и Московском военном госпитале. Он "взял место ординатора при Московском военном госпитале с исключительной обязанностью производить все вскрытия умерших в госпитале..."¹. К 1848 г. Самсон фон Гиммельштерн выполнил целый ряд клинико-анатомических исследований и опубликовал в различных отечественных журналах их результаты. Эти работы были высоко оценены Г. И. Сокольским, который считал Самсона фон Гиммельштерна "человеком, имеющим сведения, положительным и основательным..."². Глубокие знания Самсона фон Гиммельштерна в области патологической анатомии, его многолетний опыт прозекторской работы позволили А. И. Оверу в 1846 г. рекомендовать его на место профессора кафедры патологической анатомии и патологической физиологии Московского университета. Тогда он получил отказ только потому, что представление А. И. Овера было подано уже после назначения Ю. Дитриха.

Формальными аргументами против его избрания на место профессора кафедры патологической анатомии и патологической физиологии в 1848 г. были, по словам А. М. Филомафитского, плохое знание русского языка и косноязычие. Кроме того, И. В. Варвинский высказал на заседании Совета медицинского факультета по этому вопросу и другие, значительно более серьезные, возражения. "Отдавая полную справедливость в сведениях Г. Самсона в патологической анатомии", он отметил, что Самсон фон Гиммельштерн "не занимался другими отраслями, потребными для преподавания не одной патологической анатомии, но вместе с тем и

патологической физиологии"³. На это обстоятельство обратил внимание Совета и А. И. Овер, заявивший, в частности, что необходимое "в профессоре этой кафедры... основательное теоретическое знание своего предмета... должно быть соединено с опытностью, знанием химии, микроскопии и семиотики". При этом он указал, что "все сии качества имеются в одном единственном из членов сего факультета адъюнкте терапевтической клиники и патологической семиотики г. Топорове..."⁴.

А. И. Овер сообщил Совету, что Н. С. Топоров изучал патологическую анатомию под руководством "знаменитых представителей этой науки в Европе, каковы: Крювелье, Андраль, Рокитанский и другие, сам вскрывал множество трупов как на частных лекциях двух последних ученых, так и в терапевтической московской университетской клинике". Часть препаратов патолого-анатомического музея клиники была выполнена Н. С. Топоровым. Из его отчета о заграничной командировке видно, что он хорошо разбирался в вопросах, связанных с патологической анатомией. Так, например, осмотрев анатомический музей Цюрихского университета, Н. С. Топоров выделил и подробно описал в своем отчете ряд препаратов, которые, по его мнению, могли "служить к разрешению некоторых пунктов патологической анатомии"⁵. Он много занимался микроскопией у "знаменитого микроскописта Франции Донне" и, по отзыву А. И. Овера, хорошо владел этим методом исследования⁶.

Однако Совет медицинского факультета отклонил кандидатуру Н. С. Топорова, причем ни в литературе, ни в архивных материалах не содержится сведений о причине такого решения.

Наименьшее число возражений, по свидетельству декана медицинского факультета проф. А. М. Филомафитского, вызвала кандидатура адъюнкта госпитальной терапевтической клиники А. И. Полунина. И хотя он не имел большого опыта педагогической работы, однако хорошо знал не только патологическую анатомию, но и патологическую физиологию, патологическую химию и "микроскопическую анатомию". В течение 4 лет он изучал эти науки под руководством ведущих специалистов Европы: И. Мюллера (физиология, сравнительная и патологическая анатомия), Эренберга, Г. Симона и Ремака (микроскопическая анатомия) в Берлине; К. Рокитанского, Й. Шкоды в Вене; Дюма (органическая химия), Ж. Крювелье, Г. Андрала, Ж. Буйо в Париже; Либиха (патологическая химия) в Гессене. Вернувшись в Москву, в 1847 г. А. И. Полунина занял место адъюнкта госпитальной клиники и, по словам проф. И. В. Варвинского, "показал полные и основательные сведения по части патологической анатомии и патологической физиологии, знакомство с клинической стороной патологии в современном ее состоянии..." [3]. Однако А. И. Полунина не мог быть избран на место профессора вновь создаваемой ка-

³ Там же.

⁴ Там же. — Л. 4.

⁵ Там же. — Оп. 347. — Д. 67. — Л. 34.

⁶ Там же. — Оп. 355. — Д. 72. — Л. 6.

¹ ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 355. — Д. 72. — Л. 7—8.

² Там же. — Л. 12.

федры, поскольку не имел степени доктора медицины.

Наименьшие шансы на успех имел ассистент факультетской терапевтической клиники К. Я. Млодзиовский, и он также не являлся доктором медицины.

В результате двух заседаний Совета медицинского факультета профессор кафедры патологической анатомии и патологической физиологии избран не был, а все материалы заседаний Совета были переданы в Министерство народного просвещения.

В 1848/49 учебном году "до назначения особенного преподавателя" курс патологической анатомии продолжил читать профессор кафедры нормальной анатомии Л. С. Севрук [6]. При этом во втором полугодии 1848/49 учебного года часть теоретического курса этой науки планировал взять на себя А. М. Филомафитский. "Ординарный профессор А. М. Филомафитский, — указывалось в расписании лекций за этот год, — будет преподавать студентам 2-го курса... во втором полугодии, до назначения особенного преподавателя, патологическую анатомию и общую патологию, по 3 часа в неделю" [6]. Однако в январе 1849 г. А. М. Филомафитский умер, и Совет факультета поручил А. И. Полунину, который к этому времени уже защитил диссертацию на степень доктора медицины, временно читать курс патологической анатомии и патологической физиологии в весеннем семестре 1848/49 учебного года. А. И. Полунин успешно провел этот курс, что, по мнению И. А. Пионтовского и ряда других исследователей, "решило вопрос о замещении кафедры в его пользу" [7].

Обнаруженные нами архивные материалы не позволяют полностью согласиться с такой трактовкой событий, развернувшихся на факультете в 1849 г. А. И. Полунин не "выигрывал" конкурса, поскольку в мае 1849 г., когда он был избран профессором кафедры патологической анатомии и патологической физиологии, на этот пост, кроме него, уже никто не претендовал. Вопрос с замещением вакантной должности был фактически решен скандальной отставкой Г. И. Сокольского, последовавшей в конце ноября 1848 г. Немедленно вслед за этим Н. С. Топоров был избран на место Г. И. Сокольского профессором частной патологии и терапии, а К. Я. Млодзиовский — на место Н. С. Топорова адъюнктом факультетской клиники. Что же касается Самсона фон Гиммельштерна, то он еще в начале года уехал в Дерпт, где впоследствии стал одним из ведущих профессоров медицинского факультета, неоднократно избирался деканом и даже ректором Дерптского университета.

А. И. Полунину не было 30 лет, когда он возглавил кафедру патологической анатомии и патологической физиологии лучшего университета России и в глазах своих сверстников мгновенно превратился в баловня судьбы, не поскупившейся на столь щедрый подарок вчерашнему выпускнику медицинского факультета. Ему, несомненно, начали завидовать, и мало кому могло прийти в голову, что в качестве "подарка" А. И. Полунину был вручен троянский конь.

Это сегодня фундаментальное значение патологической анатомии не может вызвать ни у кого сомнения. А в середине XIX века место этой науки в системе медицинских знаний было далеко не столь

однозначным. В частности, ведущая клиническая профессура медицинского факультета Московского университета была категорически против организации для ее преподавания самостоятельной кафедры. Сказанное не означает, что московские клиницисты были против самой патологической анатомии. Напротив, они считали ее важнейшим "инструментом" познания болезней и очень много сделали для ее успешного становления в России. Однако они полагали, что патологическая анатомия — это неотъемлемая часть клинической медицины, которая не может и не должна существовать вне клиники [9].

Такое отношение ведущей профессуры к патологической анатомии и идее организации для ее преподавания самостоятельной кафедры поставило А. И. Полунина перед необходимостью делать крайне непростой даже для маститого ученого и педагога выбор. А. И. Полунину надлежало выбрать путь, по которому под его началом в Московском университете пойдет дальнейшее развитие патологической анатомии как науки и учебной дисциплины.

Собственно говоря, возможных вариантов у А. И. Полунина было два. Первый предусматривал введение преподавания в рамках кафедры обзорного прикладного клинико-анатомического курса патоморфологии отдельных заболеваний, второй — организацию кафедры естественно-научных основ клинической медицины. Каждый из них имел свои сильные и слабые стороны.

Выбор пути, условно названного нами первым, лишил студентов возможности освоить патологическую анатомию во всем "современном ее пространстве" и прямо противоречил идее ее преподавания как фундаментальной науки, изучающей структурные основы патологических процессов. Вместе с тем этот путь был легче, а главное, с учетом позиции профессоров клинических кафедр, безопаснее с карьерной точки зрения. Не следует забывать, что в 1849 г. А. И. Полунин был избран всего лишь экстраординарным профессором патологической анатомии и патологической физиологии и ему только предстояло убедить Совет в своем соответствии званию профессора ординарного.

Второй путь позволял добиться преподавания патологической анатомии в полном соответствии с современными взглядами на эту науку и ее место в системе медицинских знаний, однако был чреват возможными конфликтами с ведущей клинической профессурой, что вполне могло стоить А. И. Полунину карьеры. Ему было попросту не по силам тягаться ни с всемогущим, принятым при Дворе лейб-медиком А. И. Овером, ни с имевшим прямой выход на министра народного просвещения Ф. И. Иноземцевым, ни с лечащим врачом московской знати А. И. Полем, ни со своим учителем И. В. Варвинским.

Предстоявший молодому профессору выбор был не из легких, однако этим сложности положения, в котором оказался А. И. Полунин в 1849 г., не исчерпывались. Еще одна проблема состояла в том, что, принимая то или другое решение, А. И. Полунин не имел права на ошибку. "Дополнительное постановление о медицинском факультете Императорского Московского университета" вводилось в виде опыта на 5 лет, и любая неудача с началом работы кафедры могла быть немедленно использо-

вана противниками отдельного преподавания патологической анатомии для ликвидации и расформирования кафедры патологической анатомии и патологической физиологии.

Мы, наверное, никогда не узнаем о том, что творилось в душе А. И. Полунина во время летних каникул 1849 г., но когда 22 июля он впервые поднялся на профессорскую кафедру, он уже знал, как будет действовать.

Определяющую роль в принятом А. И. Полуниным решении сыграла его принадлежность к новому поколению патологов и клиницистов, сформировавшемуся в период преодоления очередного, второго по счету, кризиса анатомического подхода к познанию болезней и выделению их нозологических форм.

Первый подобный кризис пришелся на последнее десятилетие XVIII века, когда воодушевленные идеями Дж. Б. Морганьи врачи столкнулись с невозможностью совместить статичную картину обнаруживаемых в трупах патоморфологических изменений и крайне динамичную картину клинических проявлений соответствующих заболеваний. Тогда выход из кризиса обеспечили блистательные открытия нескольких поколений французских клиницистов. Доказательство того, что на вскрытии врач далеко не всегда сталкивается лишь с терминальной стадией развития болезни, возрождение Ж. Корвизаром перкуссии, изобретение Р. Лаэннеком аускультации открыли невиданные прежде возможности для выявления и изучения динамики патоморфологических изменений, а осуществленный М. Биша перенос рассмотрения клинико-анатомических корреляций с органного на тканевый уровень сделал патолого-анатомическую картину болезней значительно более валентной, а следовательно, лучше совмещаемой с данными, получаемыми клиницистами у постели больных [10].

Под влиянием этих открытий новый анатомический подход к познанию болезней стал стремительно завоевывать всеобщее признание. Однако к концу 30-х годов XIX века стало очевидным, что стараниями великих французов труп хотя и "ожил", но еще не настолько, чтобы полностью совместиться со страдающим от той или иной болезни живым организмом.

Последним и, пожалуй, самым ярким последователем идей французских клиницистов был К. Рокитанский, осуществивший в 40-х годах XIX века беспрецедентную по своим масштабам ревизию существовавшего клинико-анатомического материала с целью досконального уточнения внутренней логики и динамики появления и развития патоморфологических изменений при различных заболеваниях. К. Рокитанскому удалось выявить и исправить большое количество неточностей и ошибок, сделанных его предшественниками. Однако именно эта кропотливая работа окончательно убедила врачебный мир в том, что патологическая анатомия, несмотря на достигнутые ею за последние десятилетия колоссальные успехи, все еще не способна объяснить все многообразие и динамику клинических проявлений многих заболеваний. Требовались новые идеи, и К. Рокитанский стал первым, кто попытался пойти дальше великих французов.

Забегая вперед, отметим, что К. Рокитанскому не удалось вывести новое знание из очередного

кризиса, который можно условно назвать кризисом несоответствия. Это оказалось по силам лишь Р. Вирхову, осуществившему, подобно М. Биша, перенос рассмотрения клинико-анатомических корреляций с тканевого уровня на клеточный [2]. Что же касается К. Рокитанского, то он попытался решить проблему совместимости клинической и патолого-анатомической картин болезней за счет привлечения идей прежней гуморальной патологии, предположив, что причиной разнообразных необъяснимых "уклонений в отправлениях" могут служить "изменения в составе крови" [1]. И хотя успех его гуморальной патологии создал всего лишь иллюзию выхода из кризиса, его учение о кразах и дискразиях сыграло неоценимую роль в истории развития патологической анатомии. В силу того что К. Рокитанский, виртуозно совмещая опытное и умозрительное знание, смог разрешить подавляющее большинство прежде нерешаемых проблем клинической медицины, патологическая анатомия в глазах его последователей, к числу которых относился и А. И. Полунин, окончательно приобрела статус фундаментальной науки. Последнее и сыграло решающую роль в сделанном А. И. Полуниным выборе.

В сложившейся на факультете ситуации, когда большинство профессоров клинических кафедр относились к последователям второго поколения французских клиницистов и считали патологическую анатомию неотъемлемой частью клиники, А. И. Полунин выбрал далеко не самый безопасный для себя путь. Однако за принятым решением стояли не только сила духа и безграничная смелость человека, убежденного в правоте своих взглядов, но и трезвый расчет. А. И. Полунин не относился к числу слепых фанатиков от науки, для которых конъюнктурные соображения не имели никакого значения. В способности просчитывать варианты и видеть на несколько ходов вперед он мало чем уступал таким мастерам подкованных баталий, как А. И. Овер, Ф. И. Иноземцев или А. И. Поль. Принимая решение о выборе пути, А. И. Полунин похоже учел все: и возможность маневра за счет несовпадения интересов главных противодействовавших фигур, и отвлечение внимания профессоров клинических кафедр в связи с реформированием клинического преподавания на факультете, и даже свое положение еще неоперившегося дебютанта, которому лидеры факультета открыли дорогу к академической карьере и на которого смотрят как на послушное орудие, не ожидая от него решительных, а главное, самостоятельных действий. Но самостоятельные действия последовали, и когда в конце 50-х годов в Министерстве народного просвещения начали готовить новый университетский устав и с этой целью проанализировали результаты внедрения "Дополнительного постановления...", оказалось, что кафедра патологической анатомии и патологической физиологии Московского университета уже полностью сложилась как кафедра естественно-научных основ клинической медицины и что-либо менять было не только поздно, но и, учитывая хорошие показатели работы кафедры, нецелесообразно.

А. И. Полунин действовал осторожно, осмотрительно, но вместе с тем крайне целеустремленно. Уже в 1849 г., воспользовавшись решением Временного медицинского комитета, он забрал в свои

руки проведение всех вскрытий умерших в университетских клиниках, затем внедрил разработанную Л. С. Севруком методику проведения секционных занятий, которая, как уже отмечалось, позволяла даже на последнем году обучения преподавать патологическую анатомию как фундаментальную науку. Одновременно решалась проблема создания на кафедре полноценного патолого-анатомического музея. Вначале он договорился с И. В. Варвинским и А. И. Полем о передаче в его распоряжение патолого-анатомических коллекций госпитальных клиник, затем выиграл "битву" у пришедшего на смену Л. С. Севруку И. М. Соколова за патолого-анатомическую часть лодеровского анатомического музея и, наконец, после смерти А. И. Овера забрал к себе на кафедру его знаменитое собрание препаратов, муляжей и рисунков, сформировав в итоге лучший в России патолого-анатомический музей. Параллельно А. И. Полуниин организовал издание научного медицинского журнала, практически в каждом номере которого помещал статьи и обзоры, пропагандировавшие новые взгляды на патологическую анатомию как на самостоятельную фундаментальную науку.

Так, постепенно в маленьком, сыром, холодном флигеле во дворе Ново-Екатерининской больницы А. И. Полуниным были заложены основы будущего триумфа кафедры патологической анатомии

Московского университета, возведен фундамент здания, которое на рубеже XIX—XX веков получит громкое имя московской школы патологоанатомов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Варвинский И. В.* // Моск. врач. журн. — 1849. — Ч. 1. — С. 101.
2. *Давыдовский И. В.* // Арх. пат. — 1956. — Т. 18, вып. 5. — С. 3.
3. *Зиновьев И. А.* К истории высшего медицинского образования в России. — М., 1962. — С. 104.
4. Кафедра патологической анатомии Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова 150 лет. — М., 1998.
5. Обзорение преподавания наук в Императорском Московском университете в 1847/48 учебном году. — М., 1847. — С. 12.
6. Обзорение преподавания наук в Императорском Московском университете в 1848/49 учебном году. — М., 1848. — С. 12.
7. *Пионтковский И. А.* А. И. Полуниин. — М., 1949. — С. 26.
8. *Серов В. В.* // Арх. пат. — 1975. — № 1. — С. 12—22.
9. *Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н.* Патологическая анатомия в Московском университете в первой половине XIX века. — М., 1999. — С. 8—28; 90—98.
10. *Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н.* К истории возникновения патологической анатомии // Арх. пат. — 1999. — Вып. 4. — С. 47—52.